

⁹ СЗРИ. Спб., 1842. Т. 7. Ч. 3. № 1794.

¹⁰ ПСЗРИ-І. Т. XXIV. № 18082.

¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 632. Л. 1–16.

¹² Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919. Сборник документов. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 24.

¹³ В первой половине XIX в. Алтайский округ остается чуть ли не единственным крупным горным округом в России, где в широких размерах эксплуатировался труд приписных крестьян. На Урале указом 15 марта 1807 г. приписные крестьяне были освобождены от заводских повинностей, которые стали выполнять непременные работники, выделенные из тех же крестьян. В Алтайском горном округе в отличие от Урала не были введены непременные работники, выполнявшие работы приписных крестьян, и последние продолжали нести заводскую барщину. Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов от 16 апреля 1828 г., проект которого был составлен управляющим Кабинетом Д.А. Гурьевым, официально утверждало закрепощение государственных крестьян, приписанных к Колыванским заводам.

¹⁴ ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 16. Л. 519, 533–533 об., 536–536 об., 545–545 об.

¹⁵ Там же. Л. 438–438 об., 545–547 об.

¹⁶ Там же. Л. 410–410 об., 533–533 об., 536–536 об.

¹⁷ Там же. Л. 411 об., 415, 503–504, 536–536 об., 547 об.

¹⁸ Там же. Л. 533 об., 548–548 об., 556 об.; Ф. 62. Оп. 1. Д. 23 а. Л. 429.

¹⁹ Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 16. Л. 519–519 об.

²⁰ Там же. Л. 410–411 об., 503–504, 546–547, 548–548 об.; Ф. 62. Оп. 1. Д. 23 а. Л. 427.

²¹ Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 16. 555–556 об.

В. В. Ведерников

Реформы 1834 и 1883 г. в Алтайском горном округе

Реформирование кадрового корпуса для повышения качества управления – весьма значимая тема для России и сегодня. Проблема реформирования состоит в том, что наряду с раздутыми штатами бюрократии существует острый дефицит на высокопрофессиональных управленцев. Решение этой проблемы в истории отечества можно проследить на местном материале. Речь идет о кадровых реформах 1834 и 1883 гг. в Алтайском горном округе.

История сереброплавильной промышленности Алтая в тех или иных производственных аспектах получила освещение у Т.А. Агаповой, Н.А. Жеравиной, З.Г. Карпенко, А.А. Пережогина, В.Н. Разгона, В.А. Скубневского, Т.Н. Соболевой и других исследователей.

Алтай сыграл большую роль в истории российских финансов, производя 90–95 % серебра – металла, который до конца XIX в. являлся основной денежной единицей как в России, так и в Европе. Другими источниками серебра являлись Нерчинский горный округ, завод в Финляндии и скупка и передел иностранной монеты, посуды и лома цветных металлов. Традиционно считается, что в окончательно сформировавшийся в 90-е гг. XVIII в. комплекс входили следующие заводы. Сереброплавильные: Барнаульский, Павловский, Локтевский, Змеиногорский, Гавриловский; Сузунский медеплавильный завод с монетным двором; Томский чугуноплавильный и железоделательный завод, а также Гурьевский чугуноплавильный и железоделательный завод (пущен в действие в 1817 г. как сереброплавильный, окончательно переведен на производство чугуна и стали в 1831 г.). Но к этому также следует добавить, что на Локтевском заводе плавилась медь, а в Сузунском заводе из купферштейнов выделяли и серебро. Металлообработка для местных нужд также производилась в Змеиногорском руднике и на Сузунском медном дворе. Сереброплавильные заводы Алтая были обязаны ежегодно выплавить не менее 1000 пудов серебра. До 1828 г. рудной базой Алтайской сереброплавильной промышленности являлся Змеиногорский рудник. В 70-е гг. XVIII в. он загружал 75% мощностей заводов. Однако с этого времени положение меняется: постепенно снижается содержание серебра в змеиногорских рудах при неизменности «плавильной метёды». Это приводило к чудовищной растрате серебра в плавильных операциях: потеря рудного серебра в угаре составляла в 1795–1803 гг. 180 пудов (15,3%), в 1809–1815 гг. – 250 пудов (20 %), а в 1825–1830 гг. – более 580 пудов (36,7 %) ¹. По нашим подсчетам, чтобы получить 1 кг серебра, в 1828–1833 гг. тратили в среднем 2,4–2,8 т. древесного угля.

Другой причиной возрастания расходов, кроме оскудения Змеиногорского месторождения, являлось состояние кадров управления. Пополнение численности горных инженеров происходило за счет служебного повышения лиц податных сословий в классные чины, открывавшие путь к потомственному дворянству. Но в конце XVIII – начале XIX в. создаются многочисленные препоны и затруднения в продвижении «разночинцев» по служебной лестнице, возростала численность унтер-офицерских чинов. Тем не менее, машина чиновничества всё равно выплёскивала унтер-офицеров без специального горнотехнического образования в чин шихтмейстера 13 класса, которому соответствовали должности приставов, т.е. непосредственных распорядителей. Так, в 1827 г. доля старых обер-офицеров составила 50 из 108. Горные инженеры в чине шихтмейстера составляли 57 человек. Также нами замечено, что численность горных инженеров-выпускников горного института в течение первой трети XIX в. составляла ровно 1/3 часть общего количества, которое, как ни странно, всегда кратно 3 ².

В 1830 г. императорский Кабинет навязал Министерству финансов неравноправную аренду Алтайского горного округа, по условиям которой министерство должно было возместить Кабинету стоимость 1000 пудов серебра, а прибыль арендатора должны были составить металлы, добытые сверх 1000 пудов. Естественно, что Минфин стал принимать меры к снижению угара серебра. В системе принятых мер центральное место занимала реформа 1834 г., в рамках которой численность горных инженеров была сокращена на 2/3 – с 90 до 30 человек. Основная масса была переведена в обособленную категорию горных чиновников, чиновничество в которую было прекращено, что обрекало эту группу на постепенное исчезновение, что и происходило. Как показал А.А. Пережогин, численность горных чиновников с 1834 по 1859 г. снизилась с 67 до 4 чел.³ Цель реформы была двоякая: с одной стороны, недопущение лиц податных сословий в аппарат управления, с другой стороны, пополнение кадров горных инженеров из выпускников Горного кадетского корпуса. В 1830 г. министерство финансов сконцентрировало в своих руках управление горными округами Урала, Алтая и Забайкалья, для чего в 1834 г. был учрежден военизированный корпус горных инженеров, а министр финансов стал главноуправляющим этого корпуса. Горные инженеры получали воинские звания и подчинялись «Горным уставам» 1842 и 1853 гг.

В период аренды проводится масса опытов, направленных на повышение производительности заводов, но почти все попытки не имели успеха. Себестоимость алтайского серебра была много выше в сравнении с дешевизной южноамериканского и особенно мексиканского серебра, наводнившего рынки, министерству финансов было проще и выгоднее купить импортное серебро, чем терпеть издержки от производства этого металла на Алтае. Недаром исследователи ставят в заслугу Министерству финансов то, что ему удалось удержать производительность на уровне не менее 1000 пудов в год. Будучи арендатором, министерство не вводило паровых машин. В 1855 г. Кабинет прекратил аренду.

Определенный прогресс в металлургии серебра все же был достигнут. В прежнюю эпоху заводы имели дело по преимуществу с легкоплавкими шпатами Змеиногорского рудника. Теперь же, по словам геолога Г.Е. Щуровского, заводы должны были «бороться со многими препятствиями, и особенно с тугоплавкостью руд по связи их с роговиком и кварцем»⁴. Кроме того, руды Зырянского и Крюковского рудников, богатые серебром, были колчеданистыми, и это являлось также очень серьезным препятствием.

Затруднения в получении чистых шлаков и вынудили доставлять убогие тяжелошпатовые руды салаирских рудников на заводы Барнаульский, Павловский и Сузунский через большие расстояния и с огромными издержками. В Барнаульском и Павловском заводах полагалось обычно

от 350 до 375 пудов руд Змеиногорского края и от 125 до 150 пудов убогих Салаирских руд. А в Локтевском и Змеевском заводах, куда за дальностью расстояний салаирские руды не возились, в плавку были вынуждены употреблять пустой тяжелый шпат Змеиногорского рудника⁵.

И всё же алтайская промышленность так и осталась на мануфактурной стадии развития производства. Двигателем здесь было наливное колесо, а оно требовало плотины, а значит, полноводных рек и крепких глинистых берегов, помимо запасов хвойного леса. Но такое сочетание условий встречалось лишь в равнинной лесостепной местности; этим объясняются огромные расстояния от рудников до заводов. Так, например, от Зырянского рудника до Барнаульского завода было 880 верст расстояния.

Из провозов, убыточных для казны, сколачивались баснословные прибыли горной корпорации. В 50-е гг. XIX в. на Алтае возникает особая социокультурная ситуация, которую застаёт П.П. Семенов-Тяньшанский: горные инженеры представляли собой клан сильно переродившихся родственников. А. Брем, посетивший Алтай, так прямо и отозвался о горной элите: «Они противятся веяниям нового времени». Все «новые веяния» сводились к внедрению парового двигателя и употреблению в качестве топлива каменного угля. Это повлекло бы за собой цепную реакцию: замену древесного угля каменным в металлургии, увеличение размера печей, использование в плавку самых «убогих руд», увеличение их добычи и замена пороха динамитом, внедрение рудообогатительных фабрик в валовой работе. Но главное, паровой двигатель позволял покончить с властью водоналивного колеса и приблизить, наконец, заводы к рудникам. Тем самым разрушался окружной строй алтайской горнозаводской мануфактуры. По причине географической изоляции, усугублявшейся ведомственной обособленностью, события на Алтае развивались по собственной логике. Сибирский корреспондент изумлялся: «Наука идет вперед, но проходит мимо Алтая»⁶. Горная элита была заинтересована в сохранении окружной системы производства. С Алтая в течение долгого времени шли упорные слухи о помпезной роскоши горных инженеров.

Была ли удачной кадровой реформа 1834 г.? С одной стороны, цели кадровой политики министерства финансов, конечно же, были достигнуты. Другой стороной реформы стало преобладание бюрократических методов управления промышленностью над коммерческими. Это была не только волокита, не совместимая с оперативным решением дел, но и губительное безразличие ответственных должностных лиц. Последнее обстоятельство провоцировалось также и системой чиновничества и ее связью с ротацией по должностям, при которой переход на другую должность становился фактором времени, но никак не следствием личных заслуг и реального вклада в общее дело. Современник признавался,

что в результате на высшие должности нередко попадали люди бездарные. Но были среди алтайских горных инженеров и те, кто не мирился. Однако, попав на следующую должность, такой человек часто заставлял не порядок и другие обстоятельства, возникавшие не всегда по его вине, что заставляло скрывать и умалчивать массу фактов. Причем умалчение причин неудач на Алтае стало неписанной традицией, а люди знающие не находили себе поддержки.

Несмотря на повышение стоимости рабочей силы после отмены крепостного права в 1861–1864 гг., экономический кризис разразился в 1869 г. вследствие пресловутой «зырянской истории», которая свидетельствует о клановости и казнокрадстве горной элиты. Тогда были растрачены деньги, предназначенные по смете на геологоразведки, и добывалась руда с богатым содержанием с верхних горизонтов, но после поломки парового водоотлива, когда Зырянский рудник затопило наполовину, рудник не смог обеспечить загрузку заводских мощностей. Производство упало до 719 пудов.

Несмотря на казнокрадство горной элиты, две трети горных инженеров перебивалось кое-как. Современник писал: «Вообще, про доходы на Алтае только много говорят. Я знаю всех служивших там более чем за 20 лет и насчитываю всего человек 9–10, которые после 25–30 летней службы сколотили себе капитал, т.е., тысяч от 20 до 100, и в том числе одного, нажившего в 35 лет на Нерчинских и Алтайских заводах более 700 тыс. руб. За этот же, почти 25-летний период времени прослужило на Алтае человек 70–80, и никто из них не нажил ничего. Мне может быть скажут, что не нажили ничего, потому что жили широко, жили широко и прожились один–два человека, кроме наживших деньги, а остальные только перебивались».

В 1877–1879 гг. производство снизилось до уровня 617–618 пудов, что составляло 90 % общероссийского производства. Но в начале 1880-х гг. снижение производства приобрело угрожающие темпы: с 507 пудов в 1880 г. до 368 пудов в 1883 г., составляя тем самым 80–82 % от общероссийского производства⁷.

Усугубление экономического кризиса совпало с воцарением в 1881 г. Александра III и приходом в МИДв новой администрации во главе с графом Воронцовым-Дашковым. Началась срочная ревизия дел Кабинета. В 1882 г. на Алтай отправилась следственная комиссия, составленная не из «своих». Десять из двадцати восьми горных инженеров подали в отставку. Главной целью комиссия ставила поиск выхода из кризиса, а не изобличение известных фактов или выявление новых, так как они были органичным продолжением старой системы и как бы вытекали из нее.

Комиссия подтвердила «благонадежность» серебряных рудников, а в следующем 1883 г. была проведена реформа местного управления. Коллегиальное принятие решений было упразднено, жалование повышено.

Начальнику округа принадлежала единоличная власть. Кадровый резерв был взят с Урала. Девять специалистов во главе с новым начальником округа Н.И. Журиным в марте 1883 г. приехали в Барнаул. Еще девять старых горных инженеров были отправлены в отставку. Так некогда незыблемый «горный мир» канул в лету. Н.И. Журинов – человек непростой судьбы, выходец из бедной московской мещанской семьи, окончил гимназию с золотой медалью. На него обратил внимание московский меценат В.А. Кокорев, который отправил Журина и нескольких способных молодых людей во Францию. Однако из-за незнания французского языка Журинов не смог учиться в университете, в реальной гимназии, которую он закончил, этот иностранный язык не преподавали. Через два года Кокорев разорился, прекратил выплату стипендии. Журинов переехал в Бельгию и устроился на машиностроительный завод, где познакомился с главноуправляющим заводами на Урале. Журинов возвратился в Россию, устроился вольнослушателем в Горный институт на третий курс и закончил это учебное заведение спустя 2 года с золотой медалью, после чего начал свою карьеру на Урале, где ему удалось вывести горнозаводское производство из кризиса.

Продолжало сказываться печальное наследие прежней эпохи, отсутствие основы для технико-технологического переоснащения сереброплавильной промышленности. Журинов развил поистине кипучую деятельность: строились печи новейшей системы Пильца и Каста, наливные колеса заменялись более производительными турбинами Жонвалля, на Салаире была пущена механическая обогатительная фабрика, отремонтированы заводские плотины. Журинову удалось поднять производительность заводов, но он не смог перевести производство хотя бы на самокупаемость, а паровые двигатели применялись только на вспомогательных производствах. Максимальную производительность Алтайские заводы показали в 1890 г. – 681 пуд или 77% общероссийского производства⁸.

Хронические дефициты Кабинета от производства алтайского серебра привели к решению о ликвидации сереброплавильного производства в продолжение 1894–1896 г. Таким образом, реформа 1883 г. не изменила сути окружного строя, сереброплавильная промышленность до самой ликвидации так и осталась горнозаводской мануфактурой.

Причинами неудачи реформы было падение мировых цен на серебро; борьба между «старой партией» (горными инженерами, служившими на Алтае до реформы 1883 г.) и «новой партией» во главе с Н.И. Журиным, причем «старая партия» всеми способами вставляла палки в колёса; внезапная смерть Н.И. Журина в конце 1891 г.

Что же общего и что различного в реформах 1834 и 1883 гг.? Реформа 1834 г. имела последствиями горный устав 1842 г., составление новых штатов 1849 г. и следующего горного устава 1853 г., закрепившего

эти новшества. Так и реформа 1883 г. повлекла за собой учреждение штатов 1883 г. и горный устав, изданный в 1893 г., т.е. за год до начала ликвидации сереброплавильного производства. Почти полвека разделяет обе реформы, т.е. они проводились в разные эпохи и вдохновлялись разными идеологиями. С другой стороны, в результате обеих реформ кадры управления переводились одновременно, т.е. не постепенно, а резко из одного состояния в другое. Так, реформа 1834 г. сделала горными инженерами лишь дворян, получивших высшее горнотехническое образование, в результате чего была создана администрация, чей элитарный облик описывался в законодательство, а также появился и незыблемый, как тогда казалось, «горный мир». А реформа 1883 г. разрушила элитарный облик администрации и не оставила от «горного мира» и камня на камне. И, наконец, обе реформы решительным образом не изменили промышленный облик Алтая, хотя были к этому призваны. Несмотря на предпринятые попытки, Алтай оставался промышленно отсталым регионом. С нашей точки зрения, это лишь обнажает несостоятельность политической системы Российской империи и на региональном материале детализирует общую тенденцию сползания страны к серии глубоких общественно-политических кризисов начала XX в.

¹ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3273. Л. 186.

² Ведерников В.В. Горные инженеры на Алтае в 1757 – 1896 гг. Барнаул: «Графикс», 2005. С. 59 – 65.

³ Пережогин А.А. Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.) Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 61.

⁴ Щуровский Григорий Ефимович // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX веков. Барнаул, 2005. С. 175.

⁵ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3554. Л. 10–10 об.

⁶ Сибирский вестник. 1885. 19 сентября.

⁷ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1891 заводском году / Сост. С. Кулибин. СПб., 1893. С. 20, 23.

⁸ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1891 заводском году / Сост. А. Лоранский. СПб., 1896. С. 8.

А. А. Шевелёва

Финансово-экономическая деятельность Главного управления Западно-Сибирского генерал- губернаторства в дореформенный период *

Реформирование органов исполнительной власти на региональном уровне в настоящее время заставляет внимательнее изучить вопросы формирования и деятельности органов регионального управления на различных этапах исторического развития. Попытка проанализировать исполнение финансово-экономических функций позволит нам уточнить место и роль Главного управления Западно-Сибирского генерал-губернаторства в системе органов регионального управления во второй четверти XIX в. для выявления проблем в функционировании механизма государственного управления регионами в целом.

Институт Главных управлений развивался как основная форма государственного управления на окраинах империи, являясь высшим органом государственной власти на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Целью введения данного института являлось «преобразование власти из личной в публичную для охраны ее от самовласти и злоупотреблений законными средствами»¹. Для достижения данной цели основными задачами Главного управления были: «1) местный надзор за действиями подчиненных ему управлений для правильности их движения и точности исполнения; 2) оперативное разрешение самостоятельно местных проблем в случае наступления чрезвычайных обстоятельств»². В своей структуре Главное управление состояло из генерал-губернатора и Совета Главного управления. Генерал-губернатор являлся высшим должностным лицом, назначаемым императором и осуществлял роль представителя верховной власти в регионе. Помимо вопросов, находящихся в личной компетенции, он был вправе вносить предложения на рассмотрение органов государственной власти по поводу устройства государственного управления в регионе, также все изменения, предлагаемые высшей властью, рассматривались и с учетом мнения генерал-губернатора³. Совет Главного управления являлся совещательным коллегиальным органом, который давал заключения по вопросам, находящимся в его компетенции. Принятые заключения Совета не имели силы без утверждения генерал-губернатора, хотя члены Совета имели право представить свое мнение высшему начальству; поэтому данный орган, являясь совещательным, был сдерживающим

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта РФНФ «Проблемы механизма государственного управления регионами в Российской империи (на примере Западной Сибири)», проект № 06-03-00484а